

Вот основная причина нашего расхождения, нашего спора. И лишь для того, чтобы хоть как-нибудь прикрыть свое поведение, желая найти хоть какое-нибудь оправдание своей «теории» нужности организации жизни В.К., вы сознательно извращаете мою мысль, толкая ее в самом невозможном, гнусном смысле.

Вы правы, когда пишете: «Наши точки зрения с г. Балиновым слишком разные и говорить нам с ним не о чем». Верно пан Балин! «Умную речь и слушать приятно! Но разность наших точек зрения» вытекает не из невыяснимого вами мне желания «хорошо устроиться за границей», а из различной оценки значения организованной политической семьи, вобравшей в свой состав все живые силы ВК!

Я отлично понимаю ваше страстное желание, чтобы я изменил своей прежней идее. Вы рассчитывали на то, что я, под давлением черной нужды, вынужден буду кому-нибудь «спродать», сделать нечто подобное, что сделал в свое время ген. Быкадорор. Такой мой шаг до некоторой степени оправдал бы вашу богатейшую коллекцию беззастенчивой лжи в мой адрес.

Но напрасно будете ждать такого момента. Что бы со мною ни случилось, какой бы удар мне судьба ни нанесла, я, и умирая, буду говорить то же самое, что говорил и 8 лет тому назад.

Я остаюсь при своей старой идее, при своем старом требовании — организации жизни вольных казаков, объединении всех живых сил ВК. Вы этого не желаете. Так не выдавайте иных «причин», не фантазируйте и не лгите!

Конечно, я знаю, что даже наилучшая организация жизни вольных казаков не разрешит **всего вопроса**. ВК. Но такая организация есть первый необходимейший и важнейший шаг к решению «основной задачи». Без такой организации все будет походить только на пустое словоблудие, чем вы так успешно все время занимаетесь!

То, что я говорю, есть аксиома, не требующая никаких доказательств. Только ваше исключительно бесчестное нутро ее не воспринимает. Любая политическая партия или организация в эмиграции старается вовлечь в руло своего движения максимальное количество людей и строить их организацию.

Младоросская партия, возникшая уже после ВК, организовала «жизнь младороссов за границей» и сейчас устраивает публичные собрания, на которые приходят много сотен людей.

Я спрашиваю вас — что это? Устройство «жизни младороссов за границей», или активная политическая работа во имя достижения своей «основной цели»?

Фронт угнетенных народов, объединенных в «Прометее», организовал жизнь своих членов за границей и в Париже устраивает публичные собрания, куда приходят тысячи людей.

Что это? Устройство «своей личной жизни» или большая политическая работа во имя достижения своей «основной цели»?

А вы, милый человек, после восьми лет пропаганды своей идеи, насильно пропихнувшись в «Походные Атаманы», в Париже, в центре сосредоточения главной массы казаков, на свой доклад собираете... 30 человек и «преувеличив, с великой радостью пишете в своем журнале: — «послушать доклад собралось до 50 человек!»

Что это? Политическая работа во имя достижения «основной цели», или же непосредственный посылный результат ваших действий?

Да, это есть прямой результат вашей преступной «теории» о необходимости организации «жизни вольных казаков за границей»!

После такого «успеха» другой приличный человек не посмел бы смотреть людям в глаза. Но у вас не было и нет и малейшей доли чувства стыда!

ШАМБА БАЛИНОВ.

В стране деспотии и рабства

«Обученному» беспримерно жестоким правительственным террором народу ничего больше не остается делать, как отказавшись от всех правил поведения нормального человеческого общества, превратиться в сборище безгласных рабов, каждый из которых, руководствуясь исключительно жестоким законом приспособления, ценою несчастья своего ближнего, старается заслужить правительственную милость.

Бесподобная лезть и безграничная ложь — вот два главных рычага, регулирующие взаимоотношения между всемогущими правительственными органами и безправным, забитым населением в СССР.

Власть требует от своих подданных абсолютной покорности и безудержной похвалы себе и по правилу — спрос рождает предложение — в среде безгласного народа находится достаточное количество людей, поставившие своей целью жизни удовлетворение этого правительственного спроса.

Но иногда в этом огромном лагере молчания и пресмыкания некоторые лица не выдержав этой затхлой атмосферы, царства организованной лжи и лести, охваченные мужеством отчаяния, выкрикивают и рисуют подлинную картину гнетущей жизни в СССР и рассчитывают о сокровенных желаниях тамошних подневольных людей.

К сожалению, такие всплывши о правде советской бы вают очень кратковременными. Их продолжительность и значение такое же, как яркая молния в черной туче. Все «всплывши», как две капли воды, похожи одна на другую, независимо от того, — случаются ли они на советских верхах с большими людьми или на «край-

не» с мелкими сошками. И конец их тоже одинаков. Советская власть с готтентотской моралью, перед этими прорвавшимися людьми ставит беспощадную дилемму, предлагает им выбрать одно из двух: или «добровольно раскваситься», или же подставить свой лоб под пулю чекиста.

Человек всегда остается человеком: как бы неприглядна ни была жизнь, но все же, ему умирать не хочется. И он, прокляная самого себя и все на свете, берется за перо, чтобы писать в редакцию газеты «спокаяние письмо», в котором, обычно, «решительно и категорически» опровергает все то, что он говорил вчера, в минуту своего просветления, дает клятвенное обещание исправиться и стать достойным последователем великого учителя жизни Сталина.

Сколько было примеров подобных «спокаяний» на советском Олимпе! Сколько старых, заслуженных коммунистических вождей, людей всевозможного масштаба «уклонялись», а потом «чистосердечно каялись!» «Уклонизм» и «спокаяние» стали в СССР бытовым явлением. Ныне этот «быть» вводится и в среду нашего калмыцкого народа. Тут оправдывается наша поговорка: «возле сажки быть — вымазаться». Потому удивляться проникновению этого «быта» к нам не приходится.

В предыдущем номере нашего журнала я писал о все больше пробуждающемся национальном сознании среди калмыков. Этот процесс пробуждения национальной мысли, несомненно, является характерным решительно для всех угнетенных народов СССР, начиная от Украины, через Кавказ, Казачество Туркестана, вплоть до далекой Сибири.

Мы никогда не сомневались и достоверно знаем, что огромное большинство калмыков охвачено пафосом национальной идеи, бережно она передается в душе каждого калмыка, начиная от седовласого старика и кончая юным комсомольцем.

Этот бесспорный факт пробуждения и укрепления национального сознания был подтвержден открытым выступлением с резкой критикой всей политики компартии Араши Чапчаева, Амур-Санана на XI-м съезде советов Калмыкии, а в других местах подобными же выступлениями молодых комсомольцев Гаряева, Арваджиева, и др., о чем мы писали в предыдущем номере нашего журнала.

Во всех этих выступлениях проводились следующие мысли:

1) что политика советской власти привела к разорению и нищете всех, она разоряет бедный люд, который разбегается, и «аймаки обезлюдели».

2) что «раньше жилище лучше; надо отделяться от Москвы», «надо создать народно-революционную партию».

3) что «на Востоке на наших калмыков смотрят как на людей, забывших свой род, свое племя и слившихся с чуждым для нас русским народом».

4) что «роковой ошибкой вышел наш поспешный и безмерно опрометчивый, чтобы не сказать глупый переход к русской транскрипции. Без этого нам и нашему поколению нечего соваться на Восток».

Такое выступление в советских условиях было больше чем рискованно, и я боялся за жизнь этих смельчачков, показавших яркий пример мужества отчаяния.

Но дело, видимо, обошлось сравнительно благополучно, если судить, что все эти калмыцкие националисты пока что остались живы и здоровы. Только их лидеру, Чапчаеву, пришлось немощно себя публично почесать, опубликовав в газете длинное, шаблонное «покаянное письмо». Что же, это — недорогая цена за сохранение жизни многих молодых калмыцких националистов.

Письмо это напечатано в газете «Улан Батчуд» № 41 и оно настолько характерно для уразумения тамошних нравов, что мы считаем нужным привести из него некоторые выдержки.

— «О моем ошибочном, вредном и антипартийном выступлении на последнем XI-м областном Съезде советов Калмыкии достаточно ярко и глубоко верно было сказано в речах ряда товарищей тогда же, на самом съезде», — так начинается свое письмо Чапчаев. — «Нет сомнения, — продолжает он, — что резкое осуждение и правильная большевистская оценка моего выступления со стороны всей Калмыцкой партийной организации и ее руководства заставили меня еще глубже и еще лучше продумать и понять всю абсурдность и вредность такого моего выступления перед столь ответственным и почетным собранием, как Съезд Советов», — «Я до-

пустил совершенно неверную, политически-вредную, чуждую нам формулировку своей мысли, огромную партийно-политическую ошибку на которых Калмыцкий Областной ВКП (б) совершенно правильно заострил внимание партийной организации». — «Картина «о разрушенных стенах», «об обезлюдевших аймаках» ит. д., которую я нарисовал перед Съездом, была сугубо неверна», — хлещет себя Чапчаев, стараясь уверить, что на Съезде он лгал, рисуя бедственное положение народа.

Так «клетается» этот несчастный человек, ясно видящий всю преступность советской политики и все безграничное бедствие своего народа, являющегося предметом эксперимента коммунистических головоулов.

— «Огромной моей ошибкой, политически грубо неверным был выдвинутый мною в 1928 году тезис о необходимости организации у нас в Калмыкии народно-революционной партии» — продолжает дальше этот кающийся «грешник», — «что доказывает теперь нелепость и вредность этого просто излишнее...». «Я тогда не увидел самого главного и решающего условия социалистического переустройства калмыцкой деревни — совхозное и колхозное строительство. Это была моя ошибка, которая прежде всего говорила о том, что конкретные пути социалистического строительства Калмыкии тогда для меня были неясны, что мои представления на этот счет были недостаточными и неверными».

Бедный, несчастный человек! — можем только сказать. Человек 15 лет стоял во главе самого большого совхоза в Калмыкии «Улан Хоча» и именно на основании этого своего опыта пятнадцатилетнего руководства одним из больших совхозов, он доказывал на Съезде всю нелепость подобного «социалистического строительства». А когда за эту очевидную для всех правду его потянули «к стенке», он спешит сказать, что до этого он не понимал «конкретные пути социалистического строительства».

Теперь он все понял и прозрел. Поэтому письмо свое он заканчивает так: «Разумеется, что свои оппортунистические ошибки я должен исправить в своей практической работе и впредь на деле настойчиво бороться за чистоту генеральной линии нашей великой партии... за неуклонное проведение в жизнь всех указаний гениального вождя тов. Сталина».

Так издевается «гениальный вождь» над своими подданными. Не смеете говорить правду. Лгите и льстите без конца и края — такова генеральная линия «великой партии».

Но мы глубоко убеждены, что даже невольная, вынужденная ложь и лесть разных Чапчаевых есть отличное средство пробуждения национальной мысли у угнетенных народов, ибо они видят и знают — какая цена заплачена за эту ложь и лесть, почему они так усердно культивируются.

ШАМБА БАЛИНОВ

Генералу П. Н. Краснову

Недавно прочитал я ваш роман «Ненависть». В нем вы вывели чекистский карательный полк, который разоряет казачий хутор и расстреливает сотню невинных казаков, настроенных против большевистских мероприятий.

НАЗВАЛИ ВЫ ЭТОТ ПОЛК... ДЭОНГАРСЧИМ ПОЛКОМ!

Г-н генерал, неужели на правах романиста-фантазера можно допускать такие конститутивные выходки? Дзюнгарский полк, сформированный по нашему распоряжению в составе Донской армии ранней весной 1918 года по округ двух сотен калмыков-участников Степного Похода, до последнего часа казачье-большевистской борьбы, без единого перебежчика, без единого колебания, понесла громадный процент убитых, с че-

стью провоевала в ряду лучших донских полков. Ниже полк — и эмигрантском рассеянии.

Калмыцкий народ, как и казачий, разоренный, обездоленный и полуинтеллигентный русскими большевиками, и ныне тяжело страдает под властью московских хамов. На фоне этого общенародного бедствия воспоминание о своем Дзюнгарском полку составляет в душе калмыка-названияшка единственное светлое пятно. Каждый калмык не без основания гордится именем своего полка.

Что же вы заставили, г-н генерал, так грязнить наш полк, выведя его чистое имя в такой гнусной роли, как большевистская карательная *эскадрилья*?

Правда, вы там этот полк в одном месте называете башкирским, а в другом месте бурятским, называть кал-